

С. И. Иорданиди, *Москва*
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
siordanidi@yandex.ru

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ДЕРИВАТОВ С УНИКАЛЬНЫМИ СУФФИКСАМИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА I

В работе излагаются наблюдения над субстантивами, словообразовательная структура которых прозрачна: их основы оформляются уникальными суффиксами, которые в силу их «непроизводительности» В. В. Виноградов называет «мертвыми». Описываемые словоформы исследуются с точки зрения их происхождения, семантики, употребительности на протяжении истории русского языка и принадлежности к тому или иному типу языка — книжно-письменному, народно-разговорному или диалектному. Обращено внимание также на их словообразовательный потенциал.

Ключевые слова: словообразование, этимология, семантика, функционирование, хронологические рамки.

В многовековом хождении затрепались слова. На одних своими языками вылизало время прекраснейшие метафорические фигуры, на других — звуковой образ, на третьих — мысль, тонкую и насмешливую.

А. Б. Мариенгоф. Роман без вранья

Эти слова я адресую В. Н. Виноградской. Ей, как прекрасному специалисту по стилистике словообразовательных морфем, должна быть интересна эта необычная образность высказывания А. Мариенгофа, близкого друга и соратника С. Есенина.

Пользуюсь предоставленной мне возможностью сердечно поздравить Валентину Николаевну с прекрасным юбилеем!

Статья посвящена субстантивам, оформленным уникальными суффиксами, которые не обладают словообразовательным потен-

циалом и не входят в состав базовых деривативных средств. Недаром В. В. Виноградов называл подобные суффиксы, в зависимости от их большей или меньшей инертности, полумертвыми, мертвыми и непродуктивными. В этот перечень, согласно В. В. Виноградову, относятся такие форманты, как *-ль* (*падаль, убыль*), *-ель* (*капель, мокрель*), *-ынь* (*тепльнь*), *-знь* (*казнь, кознь*), *-ядь* (*рухлядь, площадьь*), *-то* (*сито, корыто*), *-но* (*пшено, сукно*) и др. [Виноградов 1972: 108, 111]. В истории русского языка такие суффиксы обнаруживаются уже на самом раннем этапе; эти суффиксальные форманты входят в состав одного или нескольких имен. Их судьба складывается по-разному: некоторые из них сохраняют свой суффиксальный статус, другие — в результате опрощения сливаются с корнем, образуя корневую основу¹. Единичность того или иного суффикса может быть обусловлена действием разнообразных ограничений, языковых (архаизмом соответствующей модели) или внеязыковых (ограниченность зафиксированного словаря) [Варбот 1969: 124].

Суффикс *-твь* (*-*tvь*). Этот суффикс относится к числу тех, которые образуют слова **i*-основы. В древнерусском языке он оформляет только один субстантив — *вьтвь* ‘ветвь, ветка’. Восходит к общеславянскому корню **-vě*, осложненному суффиксом **-tvь* [Варбот 1969: 87; Черных 1994 I: 146]. Данные других славянских языков: чеш. *větev*, род. *větvě*, слов. *větev, vetvistjǫ*, укр. *вiть*, блр. *вѣтка*, болг. *ветка, ветва, вея*; рус. *ветка* появляется не ранее XVI в.: *Они же Павла целовавшие и взяша от стѣго рая, кождо ихъ, овъ цвѣтъ, инъ вѣтку, другии листие прекрасное, прочии же былиа, и изыдоша.* ВМЧ, Дек. 6–17, 751. [СлРЯ 2: 123]. По мнению исследователей, данное слово является исконным и произошло от общеславянской основы глагола *вить* (*виться*) [Фасмер 1964 I: 306]. В древнерусском языке *вити* — непродуктивный глагол — имеет лишь одно значение ‘вить, свивать, завивать’: *иже власы плетуще. и вьюще. или моудростию некоею шарлице. на връдьбъ зрацимъ. да ѡ(т)лоучатьсѧ* КР 1284, 162a²; *ко вьюща плеть. тьмъ на(с) изгна ѡ(т) мьста.* ГБ к. XIV, 189 г. Мотивационные отношения сущ. *вьтвь* и глагола *вити* обнаруживают тесную семантическую связь. Корневая

¹ Семантическая структура слов в исторической перспективе все еще нуждается в углубленных аналитических исследованиях. Применительно к современному русскому языку этой проблеме большое внимание уделял В. В. Виноградов. См., например, [Виноградов 1977: 243–264].

² Сокращения названий цитируемых источников совпадают с принятыми в исторических академических Словарях XI–XIV, XI–XVII и XVIII вв.

морфема имени сформировалась, по всей вероятности, в результате чередования гласного корня глагола *i* с *ě*.

Фонематическая структура суффикса — /тв’/. Период существования лексемы — с XI в. по настоящее время. Семантический объем рассматриваемого деривата не остается неизменным: он расширяется. Помимо первоначальной семантики слова ‘ветвь, ветка; боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева (кустарника) или стебля травянистого растения’, на почве метонимического переноса развиваются такие значения, как ‘ответвляющаяся от основного, главного направления часть горного хребта, а также отходящая в сторону от основного пути линия железной дороги’, ‘линия родства в родословной кого-л., чего-л.; отпрыск, потомок’.

Первые фиксации рассматриваемой лексемы обнаруживаются в ст.-слав. письменности: *дрозии же резахъ вѣтви отъ дрѣва. и постилахоу по пѣти* Мт 21, 8 Мар Сав; Мк 4, 32 Зогр Мар; Евх 16а 9 по данным [СС: 166], всего 8 раз. Древнерусские материалы демонстрируют наличие этого образования в самых ранних текстах:

XI в. — *и птица нбсьскы вселишася въ вѣтви юго* ЕВА 1092, 63; *югда оуже вѣтвь ю боудеть млада и прозабнетъ листивию* ЕвМст к. XI, 110 г.

XII в. — *голоубъ съказаниѣ юсть силъ и сиѣнию, вѣтвь же маслиньна знамениѣ повельниѣмъ* СБУ XII, 69а³;

XII/XIII вв. — *вѣтви съломи и корене не истърже* СбТр XII/XIII, 14 об.; *даютъ (ж) и простъцемъ въ тѣ днь по двѣ оуныкины свѣщѣ съ вѣтвми* Уст к. XII, 272 об.

XIII в. — *и се вранѣ пришьдѣ ѡ(т)ломи ветвь съ ѡвощемъ* ПрЛ 1282, 10г.

XIV в. — *и на вѣтвехъ юго вселишася птица* ГА XIV1, 121а; *и вѣтви до земля преклонахуса* Пр 1383, 15в; *иде оубо оучнкъ юго во ино мѣсто вѣтви ради* ПНЧ к. XIV, 150г; *не вѣтвми садовными ко же обykle нѣции праздновати* ГБ к. XIV, 5а.

XIV/XV в., н. XV в. — *овии... орюще, копающе, вѣтви кладуще, оградница дѣлающе* ФСт XIV/XV, 12б; *не ту ли вѣтви юму принесша дѣти юврѣиски* Пал 1406, 122в.

Всего в СДРЯ представлено 37 примеров употребления деривата *вѣтвь*. Древнерусскому языку известны и другие однокоренные

³ Цитируется по отредактированному варианту текста В. Б. Крысько и В. Хока в монографии «Житие Ирины». М., СПб., 2021, с. 30.

образования: *вѣтъ, вѣ*; *вѣтвиѣ* [СДРЯ II: 305, 308, 310; Срезн. I: 496, 499, 503]. Как показывают данные древнерусской письменности, *вѣтъ* принадлежит церковно-книжной лексике, не встречаясь в контекстах, отражающих живую речь. Ни в грамотах, ни в летописных контекстах, ориентированных на народно-разговорный пласт языка, оно не зафиксировано. В письменности древнерусского периода обнаруживается наличие семантических подтипов у данной лексемы ('потомки, отпрыски'): *съ моего корене вѣтъвѣ* СБУ XII, 276г; *такы соуть вѣтви твоего корене... тацѣ суть чада твое(г) пороженѣ* ПКП 1406, 1016. Образное использование сущ. *вѣтъ* отмечено в следующем примере: *того стебля многоразличны вѣтви, многи бо ре(ч) образѣ пока ни*: *слезы, постѣ, мѣтва* СбЧуд к. XIV, 1016.

Материалы среднерусского периода представляют немногочисленные примеры использования лексемы *вѣтъ* в письменности книжно-письменного типа языка: 'ветвь, ветка' — (1460): *самъ же ятѣ за едѣну вѣтъвѣ древа того, и стояше яко озираеяся*. Львов. лет. I, 26 [СлРЯ 2: 122].

Широкий спектр значений, дошедших до нашего времени, демонстрирует дериват *вѣтъ* в XVIII в.: 1. Боковой отросток от ствола дерева, кустарника и др. растений. *Древо, его же имени не улучих увѣдѣти, корою и листием и вѣтви подобно нашей рябинѣ*. Афон. гора, 87; 2. Ответвление от чего-л. главного, основного. <Реки> *раздѣляются на многие вѣтви, послѣдую низкие мѣста, которые они заняли*. — Геогр. Отрог горной цепи. — Анат. Разветвления кровеносных сосудов, нервов и т. п. — Мат. Часть кривой линии. 3. Отрасль какой-л. деятельности, сфера знания и т. п. *Всѣ такожде вѣтви Философии составляют с нѣкоторого времени предмет желающих водворить доброе воспитание*. Дом. Леч. I 44. 4. Линия родства, поколение. *Королева от ненасытного своего любочестия молодшия вѣтви бурбонского двора сильная и плодovitѣ не учинила, нежели какова есть старшая онога порасль*. СПб. 1735 775. ♦ Вѣтви родословного древа. <Дворянин> *родился от благородных родителей, которые также может быть не больше его принесли пользы своему Отечеству как только умножили число бесплодных вѣтвей своего Родословного древа*. ПД II 140. [СлРЯ XVIII 3: 77].

В диалектном языке сущ. *вѣтъ* не представлено; распространены лексемы *ветка, вятка, вѣтка*. Согласно В. Далю [I: 334] эти дериваты имеют, помимо основного, еще ряд специфических значений: 'клин или ножка, чересполосный участок земли, вдавшийся узкой

полосой в чужие земли' (ряз.); 'однодеревочка, челночек; легонькая переносная долбушка; на Лене она сшивается из бересты' (сиб.); 'связка, низка' (новг.) и др.

Словари русского литературного языка, в основном, следуют за дефинициями Словаря XVIII в. См., например [МАС I: 157].

Возвращаясь к словообразовательной структуре деривата *вьтвь*, важно отметить, что в современном языке этот дериват демонстрирует изменение своей структуры: теперь его можно квалифицировать как **бессуффиксную лексему** с нулевой флексией.

Деривационный потенциал слова *вьтвь* невелик: в др.-рус. период *вьтвию* (собрив.); в среднерус. *вьтвию*, *вьтвенный* 'растущий на ветвях', *ветвяный* 'ветвистый' (о рогах оленя) [СлРЯ 2: 122–123]; *вьтвглавый* 'об оленях', *вьтвенный* 'то же, что ветвистый', *вьтвистый* 'имеющий много ветвей', *вьтвисто* нар. 'ветвисто', *вьтвяный* см. *вьтвенный*, *вьтвию*, *вьтвица* 'небольшая ветвь' [СлРЯ XVIII 3: 76–77];

Суффикс -в(а) (*-v(a)). В древнерусском языке рассматриваемый формант является традиционно деривативным компонентом трех лексем — *дѣва*, *дѣржава*⁴ и *стонава*. Согласно наблюдениям Ж. Ж. Варбот, производящими основами названных дериватов являются следующие: суффикс присоединяется к корню (*дѣва*), к основам на -ѣ- (*дѣржава*) и -а- (при настоящем времени на -je- (*стонава*)) [Варбот 1969: 124]. Как видно из этого списка, каждая из перечисленных лексем занимает свою особую нишу в семантическом пространстве русского языка на протяжении его истории: *дѣва* — это сущ. лица, *дѣржава* (*держжава*) — названия понятия или предмета, *стонава* — имя действия. Таким образом, здесь не просматривается общее словообразовательное значение; наличествует лишь общая глагольная мотивированность этих дериватов: *дѣва* (от *доити*), *дѣржава* (от *дѣржати*), *стонава* 'стон, стенание' (от *стенати* / *стонати*). В современном русском языке *дѣва* представляет собой традиционно-поэтическую

⁴ При словообразовательном анализе слова *дѣржава* я слеую за теоретическими разработками Ж. Ж. Варбот и [ЭССЯ], хотя идея о связи *дѣржава* с сущ. **дѣржь* 'опора' + суфф. -*ава*, не зафиксированном как у Срезневского, так и в академических исторических словарях, все-таки может быть принята во внимание. Такой точки зрения придерживается, например, Н. М. Шанский. Ученый полагает, что *держжава* «производно от *дѣржа* 'владычество, могущество', суффикс образования (-j-) от той же основы, что и дерзкий: *zj > ж*» [Шанский, Боброва 2004: 10]. А. К. Шапошников полагает, что *дѣржава* первоначально представляет собой адъективное производное с суфф. -*ава*, переосмысленное позднее как существительное [Шапошников 2010 1: 218].

лексему; позднее появляется новое значение ‘немолодая девушка, не вступавшая в брак’ [МАС I: 374, 389]. Следует заметить, что *стонава* отмечена всего один раз в ЛИ ок. 1425, будучи вытесненной в среднерусский период синонимичными образованиями *стенание*, *стонание*, *стонъ* [СлРЯ 28: 41, 91]: *и абы Мьстиславъ шиибеса со с полкы ихъ и потопташа. середнии полкъ... и тако сматошася оубои и бы(с) матежь великъ и стонава* 204.

**Děva* (буквально: вскармливающая грудью) — прасл. образование от **dojiti*: ст.-слав. *дѣва* παρθένος *vigog* ‘дева, девушка’; болг. *děva*, макед. *děva* то же; с.-хорв. *djěva* то же; словен. *deva*, чеш. то же; словац. кн. *deva* ‘девушка’; полаб. *devǎ* ‘девушка’, ‘служанка’; польск. кн. стар. *dziewa* ‘дева’, диал. ‘девушка’; русск. диал. *děva* ‘ласковое обращение старших (обычно стариков) к девушке’, ‘обращение одной женщины к другой вне зависимости от возраста’ [ЭССЯ 5: 17–18; Vaillant 1974 IV: 709–710, Sławski 1979 III: 190]. Известно также прилагательное к **deva* — **devaja* ‘девственная’, часто выступающее в роли сущ.: *достойно похвалимъ вѣрнии дѣвою въ истину паче слова бѣ слова вѣплътивъшоую*. Мин XII (июль), 113 об.

**Stonava* — прасл. образование от **stonati* [Варбот 1969: 77, 124].

Дѣва, согласно данным СДРЯ XI–XIV, в древнерусском языке представлена 305 раз. Основное значение, как уже отмечалось — это ‘не вступившая в брак девушка’: *Дѣвы не съмотрѣи еда како съблзанишиисѣ (παρθένον)* Изб 1076, 175; // девственница (о Богородице). (1096): *дѣво пр(ч)та неискоусна браку. боообрадована* ЛЛ 1377, 85.

В среднерусский период семантика этого слова остается неизменной. ‘Девушка’: *Тогда в церковь ихъ слабость бысть велия: жены и дѣвы во олтарь входяще*. Ав.Кн. бес., 274. 1675. Это же значение с вариациями демонстрирует язык XVIII в.: «Дева. Слав., поэт. Молодая незамужняя женщина: *Всякою со тщанием чинит, что лучше дѣвам ко веселию манит*. ЕОЛ 18. // Девственница: *Чужде есть матерем дѣвство, странно дѣвам рождение*. Дим. С. 1742, 8. Эти значения остаются актуальными и в современном русском литературном языке [МАС I: 374].

Происхождение слова **děva* от **dojiti*, постулируемое в исследовании Ж. Ж. Варбот и в ЭССЯ, разделяет также П. Я. Черных, подвергнувший производящий глагол (из и.-е. корня *dhē(i)*) в разных родственных языках скрупулезному формальному и семантическому анализу [Черных 1970 I: 260]. Тем не менее другие исследователи пробуют искать иные решения происхождения этого слова.

Приведем хронологически приуроченные словообразовательные цепочки:

XI—XIV вв. — *дѣвица* ‘не вступившая в брак, девушка’, *дѣвичи* ‘относящийся к *дѣвица*’, *дѣвичьскыи* ‘относящийся к *дѣвица*’, *дѣвичьство* ‘девственность’, *дѣвка* ‘не вступившая в брак, девушка’, *дѣвьство* ‘безбрачие’, *дѣвьствъникъ* ‘девственник’, *дѣвьствъныи* ‘девственный’ [СДРЯ III: 147–150];

XV—XVII вв. — *дѣвии* прилагат. к *дѣва*, *дѣвица* ‘то же, что *дѣва*’, *дѣвиченко* уменьш.-ласкат. от *дѣвица*, *дѣвический* прилагат. к *дѣвица*, *дѣвичество* ‘то же, что *дѣвьство*’, *дѣвичий* ‘девичий’, *дѣвичникъ* ‘девичник’, *дѣвка* ‘девушка, девочка’, *дѣвкинь* прил. к *дѣвка*, *дѣвовати* ‘быть девственницей’, *дѣволюбственный* ‘любящий девство, целомудрие’, *дѣвственникъ* ‘девственник’, *дѣвственничество* ‘безбрачие’, *дѣвственный* ‘девственный’, *дѣвьство* ‘девичество, безбрачие’, *дѣвьствовати* ‘пребывать в безбрачии’ [СлРЯ IV: 197–199];

XVIII в. — *дѣвии* ‘то же, что девичий’, *дѣвица*, *дѣвицынь* ‘то же, что девичи’, *дѣвичество* ‘относящееся к дѣвице, незмужнее положение’ *по-дѣвичи* нар., *дѣвичий* ‘то же, что дѣвический’, *дѣвишник* (-чик), *дѣвка*, *дѣвочка*, *дѣвственник* (-ица), *дѣвственный*, *дѣвственно*, *дѣвьство*, *дѣвьствовать* ‘оставаться целомудренной’, *дѣвушка* ‘незамужняя женщина’ [СлРЯ XVIII 6: 64–67];

XIX в. по наст. время — *девица*, *девический*, *девичество*, *девичий*, *девичник*, *девичья* (*устаревш.*) ‘комната для дворовых девушек в барских домах’, *девка*, *девочка*, *девственник*, *девственница*, *девственный*, *девство* (*устаревш.*), *девушка* [МАС I: 374–375];

СРНГ — *девий* ‘девичий’, *девик* ‘девичник’, *девить* ‘беседовать с дружкой’, *девица*, *девичий*, *девичить* ‘гулять в одиночестве’, *девичка* ‘девушка’, *девичник*, *девичницкий* ‘песня, которую поют на девичнике’, *девичность* ‘девичество’, *девичный* ‘девичий’, *девичур* ‘охотник поухаживать за девушками’, *девичье* собират., *девишка* ‘девочка’, *девища* ‘рослая, здоровая девушка’, *девка* ‘подставка на барках для вращающейся части весла’, *девкин* ‘сын, рожденный вне брака’, *девоваться* ‘дурачиться, шутить’, *девойка*, *девонька*, *девоня*, *девогчина* ‘группа девушек, взятых для отдачи замуж за рекрутов в прошлый год’ и нек. др. [СРНГ 7: 313–321].

**Dърѣва* — производное от глагола **dърzати*: ст.-слав. *държава*, *държава* κράτος, impregium ‘власть, сила, господство, держава’, болг. *държава* ‘государство’, ‘недвижимое имущество’ макед. *држава*

‘государство’, сербохорв. *држава* ‘владение, государство’, словен. *država* ‘состав, содержание’, ‘государство, держава’, чеш. *država* ‘владение, имение’, ‘государство, держава’, польск. *dzierżawa* и др. [ЭССЯ 5: 231].

Държава в древнерусских материалах отмечена 186 раз. В СДРЯ XI–XIV выделяется 3 значения; 1. Сила, могущество: *бъсовьскоую държавоу раздроушиша` христовъмъ подобиемъ подающааго миръ и велию милость*. Стих 1156–1163, 72 об.; *державу смъртнюю раз(д)руши губительство попра* Пал 1406, 32г. 2. Правление, управление: (1177): *да подасть юму побъду на противны` и многа лѣта съ княгынею. и съ блгородными дѣтьми. и мирну державу юму и цр(с)тво юго нынѣ и присно* ЛЛ 1377, 125 об. 3. Государство, держава: *не пръзрь бѣ в державъ нашей цркѣвъ вдовѣст(в)уюющъ. сиречь безъ еп(с)па и без (оу)чпнь` стѣхъ оцѣ*. КР 1284, 402г (запись).

Наблюдается расширение семантического спектра слова. Помимо уже отмеченных, в среднерусский период появляются такие значения, как ‘золотой шар с крестом наверху, служивший эмблемой власти’: *Шапку и животворящий крестъ возложили и скифетры и державы въ руки отдали, и стали пѣть многолѣтние*. ДАИ X, 39. 1682 г.; ‘удел, княжество, владение’: *Беглецовъ изъ мистровы державы у юрьевъскую державу не прымати, по крестъному целованью*. ГрНовг. и Псков., 135. XVI ~ 1474 г. В XVIII в. и в современном русском литературном языке, в основном, эти значения сохраняются [Сл XVIII 5: 103–104; МАС I: 389]. В [СОРЯ V: 263] выделено значение *при державе* ‘во время царствования, правления’: *Дьяланъ тотъ крестъ при державѣ блаженные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексѣевича*. Сл.Каз. XVII в. Здесь же представлено слово *держава* в значении ‘издержки, траты’: *И марта въ 9 день послано к тебѣ друг мои с Лазоревым да с Василемъ Ертауловым пятдесят рублей и тех днгъ ни на какую державу держат не велено*. ИНРЯ. 67.

В отличие от слова *дева*, весьма скромно представленного в диалектном языке, слово *держава* демонстрирует широчайший круг значений: их выделено 12. Следует отметить, что семантика деривата *держава* кардинальным образом отличается от тех дефиниций, которые имеются в исторических словарях древне- и среднерусского периодов. Перечисление этих значений, представленных в СРНГ, необходимо для выявления тех семантических сдвигов, которые произошли с течением времени в народно-разговорном типе языка. Итак, вот эти значения: 1. ‘сила, крепость, прочность’; 2. ‘то, на чем что-л. держится, что является опорой для чего-л.’; 3. ‘основание для сети’;

4. ‘хозяин (двора, дома)’; 5. ‘тот, кто оказывает поддержку кому-л.’; 6. ‘то, за что можно держаться, ухватиться’; 7. ‘палка, которую держит меньший брат или родственник невесты при отправлении ее под венец’; 8. ‘простая или шелковая плеть, с которой «охраняет» невесту один из ее братьев’; 9. ‘расход, издержки, трата’; 10. ‘содержание, уход’; 11. ‘волость’; 12. ‘вотчина помещика при крепостном праве’. Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что на протяжении истории языка при сохранении исконной семантики мотивирующего глагола *държати* ‘держать, удерживать’ мотивированное слово становится все более конкретным и, если можно так выразиться, «мелким»: от державы¹ (‘мощного государства’) до державы² — ‘предмета, за который можно ухватиться’. Но такова семантическая история слова.

Лексема *държава* (*держава*) обладает значительным словообразовательным потенциалом. Приведем хронологически приуроченные словообразовательные цепочки:

XI–XIV вв. — *държавьливъ* ‘придерживающийся чего-л.’; *държавьно* ‘властительно, державно’; *държавнии* ‘сильный, могущественный’; *държавьнь* ‘властительно, державно’, *държавьньи* ‘сравнит. ст. к *държавьнии*’ [СДРЯ XI–XIV II: 37–138]; XV–XVII вв. — *державець* ‘правитель, властитель’, *державникъ* (*държавникъ*) ‘правитель, властитель’, *державница* (*държавница*) ‘женск. к *державникъ*’, *державно* (*държавьно* и *державнь*, *държавьнь*) ‘с властью, свойственной правителю, монарху’, *державный* (*държавьный*) ‘сильный, могущественный, царственный; независимый’, *державственный* ‘правительственный, официальный’, *державство* ‘государственная власть’, *державствовати* ‘править, властвовать’ [СлРЯ 4: 222–223];

XVIII в. — *державець* ‘властелин, государь’, *державный* ‘относящийся к верховной власти, наделенный верховной властью’, *державно* ‘властно’, *державность* ‘отвл. сущ. со значением прилагат. *державный*’; *державство* и *державствие* ‘правление, властвование’, *державствовать*, *державствующий*, *державствуемый* ‘быть верховным властителем, государем’ [СлРЯ XVIII 5: 103–104];

XIX в. до настоящего времени — *держава* ‘независимое государство, ведущее самостоятельную политику’, *державный* ‘обладающий верховной властью; владетельный, царственный’ [МАС I: 389]

СРНГ — *державец* ‘казак, выбранный станицей для наблюдения за порядком на багренье’, *державный* ‘обиходный, повседневный, обыденный’, *державушка* ‘о том, кто оказывает поддержку, помощь’, *державщик* ‘то же, что *державец*’ [СРНГ 8: 18–19].

А. Вайан обнаружил в ст.-слав. аналогичный дериват *кричава* от *кричати*, не подкрепив этот пример, к сожалению, соответствующим контекстом [Вайан 1952: 232]. Это слово с примером из Супрасльского сборника приведено в [ССЯ 2006 II: 66]: *кричава и тръзани мжжь и женъ въ градъныхъ стьгнахъ и междахъ* Супр. сб. 397, 11. В [ЭССЯ 12: 149–150] дериват не отмечен; внимание сосредоточено лишь на слове **kričь* ‘крик, гомон’, широко представленном как в славянских языках, так и в древне-, среднерусском и современных русских диалектах. Лексеме *кричь* уделено внимание как в исторических, так и в диалектных словарях русского языка. Приведем единичные примеры: *на позорищи вашемъ съдите беззлобно. да ни молвы в немъ ни крича ни вопля.* ПрЮр XIV, 263б. [СДРЯ IV: 299]; (1445): *И бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь, рыдание и вопль.* Новг. I лет., 425. [СлРЯ 8: 60]; *кричь кричать* [Даль II: 195]; *крич крикнуть* Ряз 1852 [СРНГ 1979 15: 261]. Материал, приведенный выше, может способствовать корректному выяснению происхождения деривата *кричава*. В этом вопросе конкурируют две точки зрения. Первая связана с идеями о мотивирующей связи *кричь* и *кричава* (*крич* + суффикс *-ава*). Вторая — с мотивацией *кричава* глаголом *кричати* (*крича* + суффикс *-в(а)*). Аналогичная ситуация, как это было показано выше, наблюдается в отношении вопроса о происхождении слова *держава*. Можно, конечно, полагать, что обе теории имеют право на существование, они вполне вписываются в историю отношений слов *держъ*, *держати*, *держава* и *кричь*, *кричати*, *кричава*. Но, если следовать рассуждениям Ж. Ж. Варбот, то вторая точка зрения представляется более обоснованной, она построена на принципе более частотного использования в качестве производящих для суффиксальных имен (в частности, с суф. *-ва*), глагольных основ с **-ѣ*-основами, которые после первой палатализации заднебных стали основами на *-а*- [Варбот 1969: 128].

В заключение приведем статью *кричава* из [СлРЯ 8: 59]. Здесь документировано 2 примера, один из них из СБУ XII в. Кстати, возникает вопрос, почему такой статьи нет в СДРЯ: названный источник входит в круг интересов составителей этого словаря.

Итак, *кричава* ‘крик, вопль’: [*Иродъ*] ... *бещадъ сътвори...егда кричава и търъзание мужь и женъ в градъныхъ стьгнахъ и въ межсахъ и оцемъ и мѣрьмъ сущемъ и зъло просящемъ о младыхъ чадѣхъ неиспъчении*. Усп. сб. XII, 331; *Гласы кричавы твояа крѣмьници твои страхомъ убоятся*. Библ. Генн. 1499 г.

Таким образом, словообразовательный тип с суффиксом *-ва* представлен не тремя, а четырьмя словами. С полным основанием сюда относится и дериват *кричава*.

Рассмотренные в статье праславянские мотивирующие глаголы являются бесприставочными, и их категориальная семантика не осложнена семантикой префиксов. Тем более прозрачными оказываются мотивационные отношения между глаголами *вити*, *доити*, *держати*, *кричати* и словами *ветвь*, *дева*, *держава*, *кричава*.

ЛИТЕРАТУРА

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 446 с.

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969. 231 с.

Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Госиздат. 1956. Т. I–IV.

Крысько В. Б., Хок В. Мучение Ирины. Византийское житие в старославянском переводе. М., СПб.: Нестор-История. 2021, 344 с.

МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961. Т. 1–4.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1988–. Т. 1–.

СЛРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. 2004–. Вып. 1–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М., Л./СПб. 1965–. Вып. 1–.

СРЯ — Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л./СПб. 1984–. Вып. 1–.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.

СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

ССЯ — Словарь старославянского языка: репринтное издание. СПб, 2006. Т. 1–4.

Супр. сб. — Супрасълски или Ретков сборник / Сост. Й. Заимов, М. Капалдо. София, 1983. Т. 1–2.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т.1–2.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. М., 2004.

Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Флинта. Наука. 2010. Т. 1–2.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974. Вып. 1–.

Sławski 1979 — Słownik prasłowiański/ Pod red. F. Sławskiego. Т. 3. Wrocław. 1979. S.190.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves*. Paris. 1950–1966. Т. 1–3.